

Россия в новом мире

А.Л. Казин, доктор философских наук

После 8 августа 2008 г. мир стал иным. И дело не столько в политической географии Кавказа, сколько в новой позиции России на великой шахматной доске планеты. Наша страна сделала недвусмысленный шаг к многополярному международному порядку, отказавшись признавать концептуальный и силовой диктат заокеанской сверхдержавы. К сожалению, пока еще сохраняется зависимость финансовая. Тем не менее, с этого дня начался новый этап идейной и культурной истории XXI в. Какова в этой — весьма рискованной в глобальном смысле — ситуации должна быть внешняя и внутренняя идеология России? Продолжать ли нам ориентироваться в духовном, политическом и экономическом плане на пресловутый «плюрализм» всего и вся или попытаться выработать более продуктивный национальный проект, работающий на нас, а не против нас?

Ждем перемен

При советской власти, как известно, было принято ругать всякого рода частников и единоличников, называя их (в лучшем случае) индивидуалистами, думающими только о своих интересах. «Прежде думай о Родине, а потом о себе», — пелось в известной комсомольской песне. Этот благородный призыв не утратил значения и в наши дни, однако постсоветское время напомнило, что Отечество состоит из отдельных, единственных в своем роде людей и не менее уникальных наций. Может быть, главная слабость советского строя и заключалась в том, что он такой уникальностью пренебрегал. Сегодня мы наблюдаем очевидный рост личного и национального самосознания среди всех составляющих

российское и мировое сообщество народов — как малых, так и больших. И это на фоне экономической и информационной глобализации, которая, казалось бы, должна стричь всех «под одну гребенку». В науке появился даже особый термин «глокализация», объединяющий планетарную интеграцию со стремлением отдельных людей и наций к всестороннему самоутверждению. Неудивительно, что при этом возникают противоречия, с которыми в прошлом не сталкивались даже великие империи.

В наше время каждый хочет иметь отдельный дом — и личный, и племенной. «Мой дом — моя крепость» написано на каждом «новорусском» заборе, за которым стоит дворец и ведется видеонаблюдение. Ученые и политики призывают к толерантности, но при этом социальный и национальный состав наших городов и губерний меняется буквально на глазах. Газеты и телеэкраны пестрят именами экзотических этносов, о которых еще лет двадцать назад никто не слышал.

Несомненно, мы живем в эпоху стремительного «переселения» классов и народов. Но как при такой динамике остаться всем вместе — людям и нациям в едином цивилизационном пространстве? Если каждый за себя, то кто за всех? Наивная надежда, что все решит невидимая рука рынка, так и осталась утопией. Россия — не Америка, здесь (при всех варварских злоупотреблениях) правят бал все же не деньги.

Идеи вчерашние и завтрашние

При обсуждении данной проблематики нельзя не заметить той — во многом влиятельной в нынешней России — позиции «кающихся марксистов», которые и в либерализме разочаровались, и в Бога не верят («вчерашняя идея»), и России не понимают, и потому находятся в полной смысловой

пустоте. Да, капитализм и социализм XX в. отжили свое, но на смену им идет нечто настолько неясное, что для описания этой мировой новизны даже слов подходящих не придумано. Некоторые мыслители употребляют в этой связи метафору «мир индиго». Выражаясь более привычными терминами, скажем, что на наших глазах из жизни уходит идея Модерна с его культом разума, индивидуализма и прогресса, освобождая место безличным силам социальной и национальной мифологии, полагающей, что Истины нет, а раз так, то все позволено. Как раз в таком (постмодернистском) смысловом поле мировые религии заменяются экстремистскими сектами, традиционные государства — сетевыми структурами, искусство — узаконенной порнографией. Если Модерн устраивал революции и мировые войны, то постмодерн просто уравнивает свет с тьмою и добро со злом. Сегодня целые стадионы на «христианском» Западе восторженно аплодируют эстрадной диве-каббалистке, запросто присвоившей себе имя «Мадонна» (сравните это с взрывной мусульманской реакцией на унижающие ислам рисунки и стихи).

Россия, как уже говорилось, не Запад: здесь свои пути и проблемы. С одной стороны, российские граждане имеют возможность делать все, что им заблагорассудится в рамках закона. Августовский переворот 1991 г. действительно дал стране свободу. Сегодня трудно (а молодежи даже невозможно) представить, что не так давно кое-кому приходилось скрывать свою религиозную, политическую и любую другую ориентацию, как это было в СССР вплоть до конца 1980-х гг. Коммунисты, монархисты, капиталисты, националисты, атеисты — все равны в современном общественном пространстве, хотя некоторые, конечно, «равнее». Я имею в виду тех, кто утверждает свою правоту с помощью миллионов долларов, личных (или корпоративных) газет, радио — и телевизионных каналов; кто в состоянии устраивать «зеленые», «оранжевые» и «голубые» марши и приглашать на них (т. е. опять-таки оплачивать) «независимое» телеви-

дение, которое, конечно, еще подумает, как и что показать почтеннейшей публике; кто в состоянии создавать свои субкультурные, коммерческие, игровые и даже криминальные сетевые ресурсы в рамках всемирной паутины, расширяя ее виртуальное пространство до реальных площадей и улиц. Кого нынче удивишь тусовками юных «эмо» и «готов», не говоря уже о кришнаитских напевах или ирландских танцах на Невском проспекте? При последней переписи населения России тысячи молодых людей в графе «национальность» указали «эльф», не подозревая, видимо, о том, что коренное население нашей страны — и прежде всего русские — сокращается примерно на миллион человек в год. Недавно президент соседней Эстонии на 5-м Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Ханты-Мансийске заявил, что достижение независимости от России, вступление в ЕС и НАТО было судьбоносным для сохранения национальной самобытности эстонцев, и «многим финно-угорским народам еще предстоит сделать этот выбор». Я уже не говорю о множестве «неправительственных» (в том числе этнических) организаций, конкурирующих друг с другом вплоть до силовых разборок. Порт Усть-Луга нужен стране, но мешает местным микроэтносам — долой Усть-Лугу! К чему могут привести подобные тенденции, как не к взаимоотчуждению и, в конечном счете, к распаду хозяйственного и культурного единства Федерации? Нет ничего для человека желаннее и труднее свободы, и подлинная личность — человека или целой нации — как раз и проявляется в том, чем они этот сладкий простор свободы наполняют. Одно дело — «свобода от», для себя и своих: «всему миру провалиться, а мне чтобы чай пить». И другое дело — «свобода для», для утверждения связи человека с большим миром, для исполнения метафизического замысла о нем. В таком плане прав В.В. Путин, назвавший распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX в. Я бы начал этот ряд с разрушения Российской империи.

Политкорректность вместо истины

Итак, кризисные процессы в политике и культуре имеют место во всем мире. Недавно к ним прибавился кризис финансовый.

...Меньшинство всегда право перед большинством, индивидуальность как таковая заведомо выше интересов целого — такова сегодня лукавая политкорректность либерализма, заменяющая ему не только общенародную правду, но подчас простой здравый смысл. Проститутку в нынешней Америке нельзя назвать шлюхой (она «сексработник»), а извращенца — извращенцем (он уважаемый член общества). Профессора американских университетов подчас боятся поставить двойку представителю «латинос» или «африканос» — это может стоить им карьеры. Если индивидуализм отдельного человека заводит его в тупик эгоцентризма, то национальный эгоизм вырождается в шовинизм, т. е. в своего рода псевдорелигию, где «мы» изначально лучше, умнее и успешнее, чем «они».

Еще в 70-х гг. XIX века К.Н. Леонтьев писал о национальной политике как орудии либеральной революции — ныне такую политику с антирусским уклоном мы наблюдаем в Прибалтике и на Украине, где под охраной полиции маршируют недобитые эсэсовские легионеры. Характерно при этом, что либеральная общественность всячески поддерживает национализм малых наций (свежий пример — антикитайский скандал по поводу Тибета), тогда как национально-государственные идеи больших народов (за исключением, разумеется, США) обычно квалифицируются как историческая и религиозная мифология, сумма «большого вранья», возврат к тоталитаризму и т. п. Либералы всех мастей на дух не выносят никакой противостоящей им духовно-культурной целостности — будь то высокоразвитая личность или мощная религиозно-национальная традиция. Любому единству постмодерн объявляет войну. Чего стоит, к примеру, ирония

наших доморожденных «граждан мира» по поводу праздника Дня народного единства 4 ноября, установленного Думой в честь освобождения Москвы от поляков ополчением Мини-на и Пожарского в 1612 г. — уж очень им мешает наша историческая память.

Конечно, сама идея автономной (самозаконной) личности, как и идея национального государства, реализованы в историческом масштабе сравнительно недавно — после буржуазных революций, поднявших на свои знамена лозунги гуманизма и цивилизованного — прежде всего экономического — национализма. В Европе это произошло в XVIII в., в эпоху Просвещения, водрузившего в христианских храмах статую «богини разума» и порвавшего с идейной опекой католичества. За прошедшие с тех пор 250 лет индивидуализм и национализм проделали немалый путь — от революционной проповеди «самодостаточного» человека и народа до коричневых гримас национал-социализма в Италии, Германии и ряде других просвещенных стран. Европейцы периода Модерна решили обойтись без Бога как индивидуально, так и коллективно, получив в результате распад личности (в марксизме и фрейдизме) и легенды «потребительского общества» в качестве национального идеала. В современном постмодерне понятия «личность» и «нация» считаются чем-то безнадежно устаревшим и даже не совсем приличным: помнится, на одном международном семинаре докладчик обиделся, когда я спросил его, кто он по национальности. Какая там еще личность, когда человеком управляют сексуально-агрессивные импульсы его бессознательного? Какая там еще нация, когда имеются интерязык (англо-американский), интертелевидение (сотни каналов), интернет (миллионы файлов) и интердевочки (всех цветов кожи)? Вопрос, правда, в том, будет ли называться человеком то неизвестное пока существо, нечистое дыхание которого уже явственно доносится к нам из будущего.

Ответ Востока

Как следует из вышесказанного, тревожные очаги распада личного и национального начала распределены по лицу планеты неравномерно. Дальше всех в этом направлении продвинулась Евроатлантика — та высокоразвитая часть света, которую именуют сегодня «золотым миллиардом» и которая не только навязывает свои правила игры другим, не-западным народам и цивилизациям, но еще и отрицает право этих народов защищаться от культурного империализма макдональдсов и голливудов, как якобы единственно разумных и законных достижений общечеловеческого прогресса. Не надо, однако, забывать, что именно не-Запад составляет пять из шести миллиардов живущих на планете людей. В сегодняшнем мире закончилась холодная война между советским социализмом и западным капитализмом, но все очевиднее становится противостояние между старыми и новыми центрами силы многополярной ойкумены. Наряду с Америкой и Европой, такими центрами силы оказываются сегодня конфуцианский Китай, мусульманский Ближний Восток и православная Россия.

Что касается Китая, то эта древняя нация Земли (ханьцы) переживает в XXI в. свое второе рождение. Огромная по численности страна быстро растет как промышленный, финансовый и военный гигант, не говоря уже о единстве и сплоченности народа и государства. Нынешний Китай — это монолит, за прочность конструкции которого заплачено многими жизнями во время разгона танками «оранжевой» молодежной демонстрации на площади Тяньаньмынь в 1989 г. Как утверждают футурологи, к середине текущего столетия китайская коммунистическая империя достигнет фактического паритета с Соединенными Штатами по всем важнейшим показателям (если США еще до того не угодят в долговую яму). При этом, однако, нужно отметить, что конкуренция между Евроатлантикой и Китаем будет носить (и уже носит)

скорее военно-экономический, чем духовно-культурный характер, т. к. КНР, вопреки собственным коммунистическим лозунгам, строит нечто вроде госкапитализма с восточной спецификой. Как выражались русские философы Серебряного века, социализм — это последняя правда буржуазности, и как раз такой «коммуно-капитализм» выращивается сегодня в Поднебесной. Не говоря уже о том, что личность в китайской культуре почти растворена в нации, а нация служит однопартийной атеистической сверхдержаве.

Несколько иначе обстоит дело на мусульманском Востоке. Цивилизация ислама — самая религиозно «горячая» на сегодня цивилизация мира — бросает вызов Западу именно в плане личного и национального начала. Мусульманские фундаменталисты не хотят идти вслед за Евроатлантикой к идолу свободы бездуховного человека и коммерчески понимаемой нации обывателей, бога которых зовут «окей». Вооруженные Кораном и джихадом, исламисты стремятся как бы обойти Запад по другой исторической дороге, или даже, по мере возможности, вернуть человечество в до-западное (домодернистское) состояние. О серьезности этих претензий свидетельствует простая статистика: некоторые европейские города уже на треть мусульманские. К сожалению, нередко применяемые исламскими радикалами средства насилия в принципе не способствуют проповеди Корана в мировом масштабе. Кстати, большинство деятелей российского ислама занимают в политике и культуре четкие патриотические позиции, а Россия участвует в качестве наблюдателя в организации «Исламская конференция».

Русская надежда

Все вышесказанное свидетельствует о том, что ни одна цивилизация не переживает своих идеалов — в противном случае, она становится духовно мертвой (холодной).

Какая роль в этих процессах предназначена России? По всем признакам, едва ли не решающая. Дело в том, что Россия — не просто страна, а часть света, включающая в себя свои, российские — Восток и Запад, Север и Юг. Российская жизнь как бы моделирует в себе общемировые культурные, формационные и национальные процессы. Россию населяют 140 млн человек, и примерно столько же в ней наций и этносов. Только в России водятся одновременно и тигры, и белые медведи. Именно в России народы существуют одновременно во всех общественных формациях — от феодализма до коммунизма и посткапитализма. В 1917 г. у нас была предпринята наиболее радикальная попытка воплотить идеалы модернистского социалистического проекта в жизнь — настолько радикальная, что для ее описания нужны почти религиозные термины. Шутка ли: «чтобы без России, без Латвий жить единым человеческим общежитием!» (В. Маяковский).

Как известно, в стране победившего материализма первым делом исчезла материя. Нравится это кому-либо или нет, Россия никогда не принадлежала ни Востоку, ни Западу. Ни тот, ни другой не признают ее подлинно своей. Ориентализация России («византийский» Киев, «татарская» Москва) оказалась столь же поверхностной, как и ее последующая петербургская вестернизация. В отличие от Востока, русская идея изначально включала в себя творческую активность личной воли (православный храм и икона есть взаимораскрытие Бога и человека, а не подчинение одного другому). Вместе с тем, в отличие от Запада, свобода личности на Руси никогда не доходила до культа автономного индивида, оставаясь, так или иначе, в рамках соборного целого (царство, империя, коммуна). Восточное рабство у абсолюта или западное соперничество с ним — не русское занятие. Европейская свобода пережила ряд смертей — смерть Бога, смерть человека, смерть автора. Восточная душа, по существу, не любит индивидуальной свободы. Противоречие между безграничной волей, восточной

традицией и западным персонализмом — это движущая сила нашей истории. До сих пор Россия успешно проходила испытания Востоком и Западом: в конечном счете, они только укрепляли ее. Русской культуре присуще умение видеть лучшее, а не худшее в людях, и судить народ «не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает» (Ф.М. Достоевский). Это и есть наш ответ Западу и Востоку. Имя русского означает не примитивную биологическую принадлежность (цвет кожи, форма носа и т. п.), а определенное национально-личное духовное качество, развернутое в истории. Есть русские славянского происхождения, есть русские скандинавского, тюркского или немецкого рода. Грузинский князь Багратион гордился тем, что он генерал русской службы, а еврей Пастернак — тем, что он русский писатель. Выражаясь модными словами, они были не просто «толерантны» к России или «адаптированы» к ней, а любили ее и посвятили ей свою жизнь. Русский — тот, кто любит Россию и свободно разделяет ее земную и небесную судьбу.

Национальность вообще — и национальность русская в особенности — это прежде всего вопрос личного и общинного самосознания, включающего в себя сложный набор этнических, культурных и религиозных определений. В каждом конкретном случае сочетание этих определений уникально. Миру нужны личности и народы, способные на творчество и на жертву, а не только на эквивалентный финансовый обмен. Мотивация их деятельности восходит к идеалам, а не к интересам. Собственно, они и составляют ныне подлинную русскую аристократию — национальное собрание «творян». Нашим «бывшим марксистам» (если они и вправду заботятся о народе) стоило бы ориентироваться именно на них. Об этом подробно сказано в положении архиерейского собора Русской Православной Церкви под названием «О достоинстве, свободе и правах человека» (июнь 2008).

Русский путь в истории — «по ту сторону» западничества и славянофильства, «красного» и «белого», национализма и космополитизма. Именно поэтому Россия в состоянии взять на себя духовное преодоление ключевых социально-культурных противоречий XXI в. Вряд ли она будет когда-либо самой богатой или комфортабельной страной на свете, но на протяжении уже двух столетий она помогает уберечь иные «сверхуспешные» державы от личного и национального самодовольства — этого самого безнадежного состояния для человека. По существу, Россия оберегает мир от либерального конца истории, предсказанного Ф. Фукуямой.

В завершение хочется пожелать и либералам, и марксистам не путать вчерашнее или даже завтрашнее с вечным. Концепции приходят и уходят, социально-культурное будущее шлет нам неопознанные сигналы; однако мир в каждое мгновение творится любящей рукой Бога, и пока это так, он рискован и охраняем одновременно. История, как говорится, слишком серьезное дело, чтобы поручать его человеку. Претензии модерна и призраки постмодерна — не более чем острова в мировом океане, и он давно уж захлестнул бы Россию, если бы Творец не заботился о ней, обращая все ее поражения в победы. Духовное ядро Руси — это социальная и культурная Классика, т. е. вертикаль (иерархия) духовной, государственной и экономической власти. Более надежной идеологии для России в новом мире не существует.